

Игорь

Юный Иеремия никогда не рисковал именно из соображений о том, что каждый раз, когда дело хоть немного зависело от везения, он всегда оказывался проигравшим. Беспокойная вечность непрекращающегося бедствия, всё продолжающего изрыгивать из пустоты безнадежного согласия с ним самые нелепые и смешные события, всё же была страшна. При внимательном, отбрасывающем вполне привычное естественное нежелание видеть в человеке душу взгляде на Иеремию тяжело помыслить сперва о блестящей твёрдой стойкости: особенностью его героизма был натуралистический осадок униженности, носящей на себе печать самой тяжёлой и грязной боли, что не могла не проявляться внутри него.

Главным всегда является решение души, именно самоотверженный выбор, но не последовательное бездействие, некогда также порождённое достойными помыслами. Мытаря отличал помысел, когда противный ему мог только укорять и бахвалиться. Еря был погружён в непечатные, совершенно отвратительные и недостойные переживания, ему были свойственны все виды человеческих обиды и злости, однако всё это он только переживал, не распространяя на ближних. Преодоление испытания, сколько бы усилий ни пришлось приложить, говорит только о его лёгкости, однако: однако испытание было дано не за тем; испытание нужно, чтобы увидеть, каким человек останется после вполне заурядных, присущих всем страданий.

Облитая частыми острыми деревьями тропинка постепенно сужала дорогу, уже приобретшую очертания взрытого детьми песочного грунта. Тесные плети веток, выпирающих к лицам проходящих здесь людей, сперва оставляли близлежащую речку едва видимым за деревьями пятном, однако в настойчивом приближении становилось ясно, что дорога продолжается плотно вытоптанной лесной дорожкой. Вмятая рыхлым сеном трава прокатывалась под обувь и чуть заметно поднимающиеся в медленном шаге штаны. Извилистое, сохранившее всё же очертания прямой линии дерево сдерживало небо широкой паутиной очерневших тенями проволок; за ним падала с еле приметного возвышения река всегда болотного цвета, смешанного с золотистыми бликами иногда проглядывающегося бугристого дна. Края её стачивались выдающимися наслоениями ровно склоченной проводами земли, но за тем облик реки оказывался довольно неказистым, хотя и более приятным глазу, прежде наблюдающему одно соединяющийся с самым классическим представителем пропавшего предательской стерильной услужливостью города район.

Выдавленные из земли толстыми мхами мощные корни старых берёз объединялись, насыщая тропинку холмами и значительной непредсказуемостью; порой высвечивающаяся зелёными импрессионистичными пятнами свежая трава сливалась с бледными щётками

покрытого бежеватыми листьями слоя зеленоватой, спаянной плотностью непоследовательно соединённых пруж влаги. Еле окрасневшие переливали солнца ямки роняли людей, бегло осматривающих эти места: попадавшие серые ветки словно и пытались перевести на себя упор, точно обращённый к угольной густоте зафиксированных палками и листьями дыр, да вмятые золотистыми радугами границы жирных, высеченных язвочками покрытой салатово-серыми лишаями коры стволов деревьев притягивали; притягивали отсутствием остального леса. Человек видел только бронзовые, укреплённые скорее угрожающе колючими, при этом сохраняющими гладкость деталей колонны, смытую видами обратной стороны реку и слитый редкими появлениями светлых, выкованных образами стволов пятен горизонт.

Встречались и давно срубленные стволы, в конечном счёте разломавшиеся на несколько сгнивших пепельно-коричневых прямоугольников, выделяющихся выправленными наружу тонкими лоскутами сшибленных слоёв состарившегося дерева. Измятые сфагнумом крупные, обращённые к небу цилиндры отрывали близостью своей чужие сучья и бледно греющие людей осколки рябых следов солнца. Дважды на тропинке могли встретиться сколоченные между собой доски, теперь только бесстрастно поросшие землёй и бегло распространяющимся мхом. Отдельные деревья, будто погнувшиеся от веса зимнего снега, свисали к реке, и кривые кисти их грубых ремней сворачивались всё дальше; мазки прохудившихся теплом луж иногда продолжались по длине неширокой тропинки, и то заставляло знающих людей огибать её, заходя за оформленный полукругом рядок берёз, возле которых отдельно впадал в землю небольшой ручеёк лишь едва заметно булькающей в глубине воды. Сперва подобная одно намокшим смятым кустикам растительность здесь срывалась почти невидимым отверстием, спасённым от известности верными стволами прочно скреплённых спухшими корнями деревьев.

Означенное в некоторых местах столбиками молодых пней течение прерывалось тяжестью надстроенных над ней мостов. Мостик слева держался на широких трубах, проглядывающихся снизу рыжими плёнками синего металла; он продолжался кверху тем же поржавевшим основанием, уже менее крупным, соединяющим главно пристроенные к нему желтоватым окружением выпирающих одними сторонами гвоздей деревянные поручни. Они почти не шатались и выглядели вполне надёжно, хотя глухой, схожий с писком шатающихся металлических пластин звук чаще предполагал возбуждение в проходящих по нему людях излишней аккуратности. Второй мост почти не использовался и состоял из трёх наспех сброшенных, подточенных необходимой длиной берёз, на которых полагались недлинные, только чуть выдающиеся из краёв брёвен доски; большая часть из них была разбита весом или вырвана случаем, отчего оставались только длинные, торчащие коричневыми ростками погнутые гвозди, опирающиеся на холмики дошедшего сюда мха. Несмотря на

нежелательность хождения по нему и наглядную ветошность, мост не только охранял память давно гуляющих по этим дорогам людей, но и вполне ещё был способен удержать на себе одновременно двух-трёх крупных людей.

Вжатые в нарывы земли деревья неровно входили в продолжение тропинки, нарочито оголяющей вздутую сверху траву, принимающую летом постоянно ползающих здесь больших испанских слизней. Дутые сферы пока лишь уподобившихся себе кустов ограничивали прежде скрытую от внимательного взгляда сторону берега, и обводящая припухлости жёлто-зелёного горизонта дорожка вела всё дальше: уже не прямо, но чуть вбок. Путь, последовательно уходящий выше, начинал сменять пустоту скошенной поверх корней и глубокого мха растительности кирпичами, принадлежащими раньше одной не крупной постройке, преследуемой теперь берёзовыми взрывами множества тонких, выходящих из единого места стволов белёсых искажённых линий. Сбитое проходящимися сверху сколами подобие фундамента покрывалось достаточно небольшим количеством раздавленных, лежащих только мелкими острыми кусочками некогда имеющих яркий огненный, теперь навсегда утерянный, похороненный под этим лесом цвет кирпичей. Оставшееся от строения впитывало в себя природу и нарастало пока вольно кроткими листьями равномерно поглощающего бетон мха. Упавшие на него ветки скрывали смятый, истерзанный временем кусок прежней жизни; за тем следуют облитые белыми эластичными кудрями сухие палки уже мёртвых, отравленных жадностью стремления к жизни деревьев. Врастающие множеством невидимых узлов тонкие ветви эти подобны человеческой фигуре, и сухие мокрые свидетельства присутствия здесь людей отделяли разрушенное строение от большого валуна, возникающего искрами зелёных треугольных листьев. Валун имел неправильную форму и самые заурядные камню сколы посередине: похож он был скорее на небольшую, определённо пронзающую лёгкую суматошность облаков гору. Свёрнутые, подобно волнам, бьющимся о скалы, петли золотистой травы лежали у раскроенного сверху зубцами валуна круглыми узорами; и тропинка только немного расступалась перед тихо влезающим на неё молчащим камнем.

Крошечная пустая полянка, разрезанная почти поровну бежеватой вытоптанной частью, притягивала к деревьям лесенку, скрытую за сгибом единственного мощного ствола, на который часто опираются взбирающиеся наверх люди. Она была выстроена у начала двумя деревянными ступеньками, соединёнными между собой зелёными, сбитыми своими гранями брусками, возле которых свободно лежали болтающиеся в траве досточки. Скученные у нового возвышения листья еле заметно трепыхались у тёмных стенок, слитых с началом выдавленной светлыми порами тропинки. Из первой ступеньки медленно выходило невысокое бревно, крепящееся ко второму, только лежащему вдоль оголённой чёрно-коричневой тропы; всего три неравномерно распределённых бревна, расположенных

перпендикулярно верхней плоскости ступенек, крепило верхний поручень, сделанный из длинного кривоватого ствола молодой лиственницы. Теперь дорожка вела людей под довольно большим углом, почему данные поручни и были сделаны; иногда проходящие мимо опирались также на ещё одно сооружение, оставленное справа в уже более серьёзном размере. Разрушенные кирпичи почти полностью покрылись травой, мхом и листьями, отчего чуть сваленная с холма правая сторона его обнажала совершенно непривычный возвышению вид обломанных в мелкие камешки рыхлых брусков. Передняя часть развалин лежала в менее крутом наклоне: после оставалось только спускаться, если вовсе не идти по ровной поверхности редкой плеши неровной ухабистой полосы, протыкающей лес беззаботным человеческим кряхтением.

Грязные, помоченные кислым душком бубоны подъезда проваливались под калечными движениями свисающих произвольными узорами ног. Шафранные лезвия туч, впухших теснотой зеленоватых стен, проходились по мне горячим, растворяющим мягкую плоть клеймом; и так всё было плохо: так всё отравлено... проклято всё, и хуже, что тошнило не желудочным соком... тошнило густыми плевками свёрнутой розовым мясом крови. Нельзя было увидеть это и остаться в трезвом сознании: нельзя было принадлежать к этому и на следующий день спокойно продолжать спокойную жизнь; нельзя, увидев вечером давно заживший яичным блеском шрам от ампутации, поутру проснуться совершенно здоровым. Знание это страшно: оно невыносимо... ты видишь это: видишь, и ничего нельзя изменить, ничто уже не улучшит твоего положения и не спасёт от бедствия. Оттого люди ломаются: прежде добрый честный человек падает, вставая уже другим. В странно стянутых искажённым разрезом глазах радужка более не видна, хотя та, может, попросту почернела мутной грязью невнятной сероватой боли. Люди, раньше честно изучающие, любознательные и откровенные, очень легко, бывает, перенимают на себя смрадное трупное окоченение, и с тех пор; с момента того это, общем, не человек. Я часто видел таких людей: внешне они совершенно обычны, даже, кажется, приличнее, нежели те, другие, кого люди сломанные называют скучными, пресными и бесцветными. На деле же человек сам в себе прозрачно представляет точку отсчёта сравнения: обнаружение в ближнем гадости говорит только о калечности говорящего, если то, конечно, есть именно гадость, а не честный, лишённый примеси корпоративной вежливости холодный факт. Эти люди: казалось бы, я, Даня и они сильно различаемся, да всё же нас объединяет животное стремление к стаптыванию себя в мире, к избавлению мира от нашего существования; и так отличны эти методы сокрытия, что извращается помысел и... эти люди сломались именно по своей вине, однако, в отличие от Дани, человеческое в них кончилось. Люди эти готовы предать, обмануть, изнасиловать и ограбить, они готовы испортить жизнь беспомощного доброго человека, попросту решившего простить их, и от того

Сломанный не расчувствуется и не вернёт украденное; для покалеченных людей чужая доброта является удобным случаем, обыкновенной глупой недалёковидностью, которую они смогут после высмеивать среди подобных им. Люди без принципов: люди, в трусливом молчании сгибающиеся и после с улыбкой пробегающие мимо прощающего их человека, единственно и являются причинами событий. Так велико их знание о собственных уродстве и вине, хотя прямое признание её и есть вещь, достигшая лишь самых развитых из них, что они более не пытаются сохранить свою душу, пытая тело нескончаемыми земными благами; да останется одно: только люди эти, ответственные за значительную часть человеческой боли, упокоятся сильно позже, и те об этом знают. Они знают это, обижаясь и сетуя на Господа, однако сами понимают: они понимают, что Господь, не могущий не любить человека, ими брезгует.

В общем, мне действительно довольно дурно: тошнота, понос и мигрень застали в самый неудобный момент, и теперь, когда прежде стремящиеся погубить меня недуги чуть отошли... когда светобоязнь и неспособность присутствовать в самом лёгком шуме уже позволили выйти на молчащую моим громким сердцебиением улицу, я решил развеяться. Достаточно скромные виды, что я единственно и мог наблюдать, не отражали объективную реальность, но головная боль, сдавливающая виски мои тяжёлыми гирями, не оставляла зримой красоты, тем более в погрустневшем расходящимся по всем этажам сигаретным дымом подъезде, смоченном осевшим на стенах маслом, привычно смердящем резко ударяющей в нос при выходе из квартиры кошачьей мочой. Вероятно, сегодня не мой день. Несмотря на это, я не должен: я не имею права распространять свои ощущения на мир; я не имею права назвать всё таковым, как оно сиюминутно причудилось, во власти моей только назвать причину настоящего состояния и видимые следствия: да, так я поступлю верно, так я не уподоблюсь Им.

Меня часто обманывали; несмотря на подобную формулировку, нельзя сказать, что от этого я что-либо потерял. Я аккуратен: очень аккуратен, и потому меня нельзя обокрасть, что я всегда готов к этому. Несмотря на то, всё же встречались люди: те, что, мысля себя обманщиками, попросту соглашались с моей волей, без лишней надменности учитывающей вероятные риски. Когда я вижу этих людей, мне становится грустно, даже плакать порой хочется, хоть, более не обманываясь школьными фантазиями, я совершенно точно знал, что обманщик не может оправдать обман спасением близкого, ибо то есть решение души, никак не связанное с употреблением благ, полученных от совершённого во Мориа нравственного преступления. Бросая себя в возвышающую их же патетику, они погубят не только душу, но и тело; так они изменятся навсегда именно тем образом, которого его близкие желали менее всего. Смерть заберёт тех, кто с ней согласен.

Я не являюсь святым: я вполне естественным образом желал людям этим смерти и хулил их всевозможными оскорблениями, однако о человеке в истории остаётся только решение, только труд, а не пустословное воображение о деятельности. Болотные, отошедшие краской стены напоминали мне об этих людях; я видел не подъезд, но безобразных предателей, в стенах этих прячущихся; меня не обманывало взаимодействие с человеком. Обыкновенно общение стирает для тебя скорее случайное стремление оценить нравственное качество ближнего, да подобным я, несмотря на кажущуюся недалёковидность, не славлюсь. Я знаю, каковы есть мои родители, каков есть Даня и на что он способен, но ко всему из того я был готов. Я беру на себя роль, конечно, жертвенную, да в самой сниженной её форме: так, чтобы апломб мученика на меня не наваливался случайным мельтешением неудачного решения. Я согласен с этим, я согласен с обманом и предательством, да всё же... да всё же как-то тошно... так всё подобно язве, так всё плывёт волдырями неоднородных нечистот, что хочется вырвать всё, подобно пациенту, желающему щипцами подсадить и дёрнуть вставленную после перелома металлическую пластинку. Мы в себе не стенаем, ожидая усыновления, искупления тела нашего; ведь мы знаем: мы спасены в раскинутом аравитянами шатре. Сегодня я не в настроении: вероятно, печать униженности на лице моём вдавливалась в кости всё сильнее, однако об этом никто уже не узнает.

Сегодняшний день начинался для Иеремии довольно хорошо. Он поспал всего пять часов и был не просто бодр, но совершенно силён как умом, так и телом. Утром у студента ничего не болело, и потому обыкновенно следующая за пробуждением разминка оказалась почти вдвое дольше. Во сне Даня порой раскидывал по квартире громкий звонкий крик и лунатил: то происходило довольно часто, и ближе ко времени, когда соседу уже нужно было просыпаться, Еря стал свидетелем раздавшегося оглушающим рокотом вопля, исходящего из внешне совершенно заурядного парня. Иеремия разбудил друга, после того молчаливо ушедшего в ванную комнату.

«Сегодня неудача постигнет не меня!» — весёлой беззаботностью мыслил Еря. Путь до университета и первые пары прошли безупречно: студент блистал, даже привлекая к себе лишнее внимание, которого всё же продолжал остерегаться. Подобно ребёнку, вынужденному рано повзрослеть и оттого удивляющемуся простому отсутствию трудностей в самых лёгких делах, Иеремия только больше настораживался: чем примечательнее был его успех, тем страшнее окажется наказание уже поджидающего бедствия... однако сегодняшний день: именно сегодня он чувствовал вместе с тем нечто другое, совершенно отличное от малоинтересного отсутствия бед. Иеремия вышел из университета и направился домой, и чувство это всё не проходило: казалось, сегодня он обретёт нечто важное; по крайней мере, ничего не потеряет.

Так и не ощутив давно отставшего от студента вкуса, дожидаясь только к середине достаточно долгого пути купленный в столовой чесночный хлеб, довольно сильно угрожающий всё же сдавшемуся голоду слабому желудку, Еря начал переходить самую заурядную двухполосную дорогу, которую соединял с другой стороной небольшой, подстёршийся сбитыми серыми кляксами пешеходный переход. Краем глаза заметив дедушку, с обратной стороны перехода старающегося балансировать между опорной тростью и удерживаемым в другой руке котом, парень хотел было помочь: старик выглядел беспомощно и расстроено, но он продолжал храброй верной любовью нести кота, расслабленно повисшего на его предплечье. Удивительно доверяющее этому делу животное никак не препятствовало подобному перемещению, да и дедушка, видимо, старался стеснять его как можно меньше, держа кота именно в правой руке и едва маневрируя болтающейся в разные стороны тростью. Легко коснувшись чуть выдавленной гридеперливым паром дороги, Иеремия сделал шаг: неожиданно воспалились в нём диарея, предвещающая мигрень аура, тошнота, рассеянность координации, боль в суставах и озноб. Студент, никак не ожидающий такого единовременного проявления симптомов своих заболеваний, отпал от дороги в сторону тротуара и, сжавшись всем телом, начал с трудом сдерживать давящие его стоны. Недавние выстрелы полагающейся в покое палки и взрыв попытавшейся убить студентов рыбы насторожили Ерю больше обыкновенного: редко случалось подобное количество совершенно неприличных, схожих скорее с сюрреалистичным издевательством неудач. Подобным оказалась и нынешняя болезнь парня: настолько резко и таким большим клубнем разнообразных форм боль в нём не проявлялась никогда, и оттого частично отупевшее удивление, смешавшееся с пробившимся тогда же писком в ушах, не позволило ему увидеть или услышать только что произошедшее на дороге.

Тело дедушки, распластавшегося руками в разные стороны, ударило о дорожный знак; ноги его были вывернуты, а открытые чёрной пустотой глаза смотрели на неподвижно глядевшего на труп студента. «Это из-за меня?» — подумал Иеремия. «Бедствие распространилось на проезжающую мимо машину и старика с котом?» Еря не мог трезво мыслить и по вполне физическим причинам, однако в момент, когда он увидел уезжающий от места происшествия большой чёрный эвакуатор, мысли в нём обратились грязным, смоченным ужасом помойным тряпьем. Иеремия винил в этом только себя: Иеремия винил себя в падении каждой капли с открытого перелома уже мёртвого человека, случайно притянувшего смерть из-за неудачливости молодого парня.

Свидетелей было много: увидев, как Ерю рвёт, как он кричит и дерёт на руках большие вздутые шрамы, иногда выделенные розоватыми пуантелями фукорцина, его отпустили ещё до приезда скорой и полицейских.

На протяжении получаса ходьбы мальчика непрерывно рвало из-за стыда; когда окончилось уже всё в прохудившемся болезнью желудке, студент, иногда выплёвывающий из себя редкие капли желчного сока, громко рыгал и плакал. В глубоком горе Иеремия рыгал и плакал.

Всегда чувствуя себя чужим в этом мире, Иеремия тяжело реагировал на своё влияние в родительской квартире, в университете и дома, и тем тяжелее ему было, что с этим он совершенно ничего не мог поделать. Ни на что и ни на кого не сетуя, парень, даже не поздоровавшийся с Даней, подбежавшим к нему с тарелкой авторских бутербродов, накрыл себя запасным, обычно опирающимся на стену матрасом и прорыдал до вечера, скрывающего желтизну наросшей на оставшемся в леске от каменных сооружений травы. Приступ мигрени скорее обычного отступил, и Еря решил выйти, хотя и реагировал на всё болезненно чутко. Он не мог трезво рассудить о произошедшем и потому находился в крайне расстроенных, иным достаточных самоубийству нервах.

Пунктуальный Иеремия, несмотря на прогул рабочей смены, при этом не будучи из тех людей, что оправдывали недели отсутствия на учёбе тревожностью, никак не мог думать о своих формальных обязанностях. Преодолев небольшой парк и выйдя к разбитым лесенкой гаражам, он пролез через отверстие в сетчатом заборе, после чего недолго шёл среди небольших деревянных домиков, схожих скорее с деревенскими. Так Еря очутился у рыхлого края дороги, отделённого от лесной тропинки клубнями напавших к траве ветвей. Желая лишь удалиться к безлюдному месту, студент, проходящий сейчас мимо еле поскрипывающих ступенек, встретил сидящую на аккуратно постеленном пледе бабушку; в её пухлых, наглаженных до глянцеvitости руках лежал неизменным стоическим спокойствием кот. Кот был толстым, однако назвать его жирным язык не поворачивался: щёки, даже выходящие уже в горизонтальную плоскость, выделялись большими крепкими оладьями, а горчичные, смешанные иногда с тёмными пятнышками глаза были огранены нежными светлыми линиями; длинные мощные усы словно резали каждым его движением ропотно подчиняющийся воздух, а кажущиеся небольшими ушки, выправленные ровно торчащими треугольниками, подёргивались из-за приближения насекомых или иной неожиданности, будь то даже моё настоящее появление. Окрас его соответствовал классической расцветке уличного кота: чуть рыжеватый, смешанный с белым животик переходил в более тёмную пушистую шею. Морда была чуть приплюснута массивностью всего тела и иногда имела светлые, только подчёркивающие нос и глаза узоры. Шерсть его полосата, с примесью еле приглушённых светлостью пятен, например, расположенных на лапках и у самой спинки. Сильные, обитые едва видными коготками бублики задних лап неотрывно держались на покрытом рукавом синего платья предплечье бабушки. Мордочка кота показывала самое спокойное выражение,

какое только бывает у котов: падающие к серединам глаз веки продавливали из почти круглого создания громкое, уподобившееся звукам промышленного транспорта мурчание.

Произвольной позой отворачиваясь кверху тропы, якобы прежде и не замечая их, Иеремия остановился; Еря резко развернулся и с выбитыми удивлением глазами спросил:

— А... Простите, этот кот... он ваш?

— Что? А, кошка? Котяра славный. Сюда его притащила, даже не дёргал.

Бабушка, то ли по привычке, то ли по принуждению чувств прикусывающая слова в конце каждой фразы, глядела на Ерю несколько туповатым, словно игнорирующим окружающее взглядом, тем не менее, вполне человеческим и даже милым.

— То есть... Ну, это не ваш кот?

Зажевавшийся уже вправляющимися в ум сомнениями по поводу своего подозрения укол ошибки заставлял Иеремию случайно отступать кратко отдаляющими его от бабушки шажками, на что та видимо реагировала пальцами, слегка подёргивающимися в мягкой длинной шёрстке кота.

— Это общий кот. Он тут у нас живёт уже года четыре. Если хочешь, забирай. Дело хорошее будет.

— А... Я, наверное, перепутал. Я сегодня...

— Кот этот золотой! Уличный, а толстяк. Его тут все любят. Только брать никто не хочет, а он...

— Нет, я имею в виду...

— Не перебивай! — неиллюзорная настойчивость бабушки чуть отпугнула Иеремию, вследствие того только твёрже решившего разузнать о коте, да собеседница его, видимо, не понимала сущности Ери; точнее, может, попросту не подозревала о его добром характере. — Кот этот у нас, жирдяй наш, я уверена, рад будет дому. Забирай кота.

— Нет, простите, я...

— Так ты ветер гоняешь? Чего гонять, раз кот не приглянулся? а?

— А вы... вы многое здесь знаете?

— Да, я тут много знаю, и мост даже помогала устанавливать. Ну, второй который, деревянный такой. Я и сама по нему хожу, хотя дед ругает. Я тут была ещё, когда даже ступеньки: видишь, на ступеньке стоишь? я была тут, когда и ступеньки-то здесь не было. Вот так.

— Я сегодня видел дедушку... он... его машина при мне сбила, — глаза бабушки побелели тёмной серьёзностью, хотя почти тут же взгляд её принял немного притворную, привычную всем в этом возрасте доброжелательную ясность, едко смешанную с вечным лёгким непониманием происходящего. — Я посмотрел на кота, думаю, похожий...

— А, Горя-то? Горю да, хоронить скоро будем. Он тоже со мной был. У нас такая группировка, почти хулиганская... Мы тут держали всё, со всеми обсуждали дела районные. Только его далеко отсюда сбили, там идти и идти! Не знаю, чего это чёрт его дёрнул туда улезть. А кот этот, может, с ним и был. Горя расстройство какое-то получил, когда упал, и кота ему дали с тех пор, чтобы с горя... Ха-х, горе, и Горя-то! — нервический смешок, вуалирующий нечто, пока только едва обретающееся в уме Ери, неуместно выбивался из прерывистого, необычного даже этой бабушке рассказывания. — В общем, кота ему дали, чтоб не удавился. Кот умер через десять лет, а старикан так этого и не понял. Ну, таскал он всяких уличных, а называл их именем своего старого кота, понимаешь? Этот кот у нас нарасхват, да не берёт чего-то никто, представляешь? Возьмёшь кота?

Ошпаренный краснотой ещё заплаканных глаз, надутый воспалённым усталостью дыханием студент вдруг впервые с момента сегодняшней неудачи посветлел взглядом, и даже блестящие частыми камешками пробившегося пота щёки его порозовели, забирая с сухостью лица серость согнутого страданием вида.

— Думаю... да, думаю, я возьму его. Давайте, я за ним присмотрю.

— Вот и хорошо! Это кот качественный, золотая кошка! Береги его, второго такого нет!

Кот, ошатавшийся резво дёрнувшимися руками никак не изменившейся в лице, продолжающей сидеть бабушки, только еле заметно приоткрыл глаза, ещё не дошедшие до достаточного бодрствования состояния, и плюхнулся двумя тяжёлыми лапками на ладони Иеремии, только-только подставленные под достаточно неожиданное навязчивое движение собеседницы.

— Береги его, — звонко бахнувшие скрывающимся за деревьями солнцем тени оскалили радостное лицо Иеремии, теперь держащего на руках мурчащего от удовольствия толстого кота. С едва заметным хрипом сглотнувшая слюну женщина сразу же собрала плед в самовязанную квадратную сумку и встала, упираясь взглядом в шаг студента, будто найти хозяина уцелевшему в аварии коту своего умершего друга и было единственной её целью.

— Только... только он кровью писается, вылечи...

Упавшая к земле голова бабушки молча спроводила аккуратно идущий к домикам силуэт.

Дорога до дома была исключительна именно тем, что ничего во время неё не произошло. Послушно прижавшийся к Иеремии кот, ещё просвечивающий чуть проглядывающую среди мурлыканья грусть, верно признал в деликатном обращении парня хозяина. Как они ушли с шипящей машинами улицы, он окончательно успокоился, уже не впиваясь в терпеливые руки студента лишь инстинктивно выпавшими когтями.

Увидев пока безымянное животное, Даня оторопел, после чего самым несодержательным гулким воем обрадовался. Друзья позвонили хозяйке квартиры и уведомили о появлении кошки: согласно договору, студентам не запрещалось делить жилье с котом, и потому особенных проблем с этим не возникло. Пока Еря уходил за кормом и посудой для нового жильца, Даниил непрерывно наглаживал громко мурчащего, впоследствии заснувшего на его ногах соседа. Когда Иеремия пришёл, Даня предложил назвать кота Игорем, в честь погибшего деда Ери, о котором тот когда-то рассказывал. Еря согласился.

Игорь, не сразу понявший, что его окончательно приютили в условиях, кажется, сильно лучше прошлых, скоро стал заинтересованно нюхать каждый угол нового дома и весело бегать, басистым мяуканьем поглядывая на новых хозяев, ноги которых он всё время гладил своими мягкими мясистыми щеками. Ребята отвели Игоря в ветеринарную клинику, где им сказали, что кот жил в домашних условиях, хотя и не самых благополучных. Чтобы установить природу болезни кота, пришлось сдать анализы и выбрить его большой живот, позже ещё некоторое время касающийся голым пушком тёплого пола. Иеремия и Даня, потратившие на специальный корм и таблетки все свои деньги, радостно глядели на выздоровевшего Игоря, теперь ещё более обнаглевшего жадным стремлением к вниманию хозяев. Май наступил для ребят стрекотанием наконец освободивших себе полноценное летнее небо птиц, и пение это сопровождалось довольным треском лежащего на спине, расставившего лапы в разные стороны кота.